

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В31

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Художественное оформление — *Василий Половцев*

Вербинина, Валерия.

В31 Московское время : [роман] / Валерия Вербинина. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 320 с. — (Мастера сыска. Советское время).

ISBN 978-5-17-161846-9

Конец тридцатых годов двадцатого века — сложное время, когда в обществе царит атмосфера страха, люди запасаются сахаром и керосином, а в тихом московском дворике можно угодить в самый центр операции по захвату бандитов. В это время еще нет термина «серийный убийца», однако подобные преступления существуют. Новое дело агента угрозыска Опалина связано с убийцей-душителем, коллекционирующим трофеи, взятые с жертв, и только Иван догадывается связать разрозненные прежде дела и провести ниточку от одного случая к другому... Чтобы отыскать маньяка и понять, каким образом с этим делом связаны обитатели коммунальной квартиры 51, где проживает студентка Нина, случайная свидетельница одной из операций МУРа, Ивану Опалину предстоит немало потрудиться.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-161846-9

© Илющенко В. В., 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Все персонажи и события данного романа вымышлены. Любое сходство с действительностью случайно.

ГЛАВА 1

После представления

Ночью по Москве ходить опасно. И вовсе не опасно, мысленно одернула себя Нина, а просто... просто хочется поскорее оказаться дома, где так уютно горит лампа под крепдешинovým абажуром. Тьма таращится в окна, но ты не боишься ее, ты знаешь — она снаружи, а ты для нее недосягаема, потому что находишься под защитой своих стен. Совсем другое — идти после полуночи по почти безлюдной улице под стук собственных каблуков, которым вторят толчки сердца, и Нина даже пожалела, что сгоряча отказалась от предложения своего нового знакомого, студента Былинкина, проводить ее.

С Былинкиным ее познакомила подружка Ленка, благодаря которой Нина оказалась сегодня в Большом театре. Ленка уверяла, что они идут вдвоем, но на месте обнаружилось, что к их компании присоединились этот Былинкин и его родственник — какой-то нарको-

мовский* служащий, солидный брюнет сорока с лишним лет, то есть все равно что старик. Имя служащего Нина не запомнила, потому что им прочно завладела Ленка, а ей волей-неволей пришлось развлекать студента. Былинкин спросил, как она относится к классической музыке, и тотчас же сообщил, что сам к операм равнодушен и вообще ему нравятся джаз и Вертинский. На языке у Нины вертелся вопрос, зачем же в таком случае ее новый знакомый пришел слушать оперу, но спросить она так и не осмелилась. В присутствии людей, которые вызывали антипатию, Нина терялась, а Былинкин ей сразу не понравился: смотрел слишком пристально, пытался поддержать разговор, когда уже играла музыка, и вообще у него была дурацкая фамилия и прыщ над верхней губой. Но теперь, когда последний оживленный перекресток остался позади и Нина, по привычке срезая дорогу, углубилась в лабиринт старых улиц, не затронутых грандиозными перепланировками последних лет, она поймала себя на мысли, что зря запретила студенту провожать себя. Ей было бы куда спокойнее, если бы рядом находился кто-то, пусть даже с прыщом и нелепой фамилией.

Холодный ветер бил в лицо, фонари источали болезненный желтый свет, с неба сыпалась мелкая противная крупа — весна в 1939 году выдалась снежной и неласковой. Упрямо наклонив голову в белом беретике и крепко прижимая к себе новую сумочку, Нина бежала сквозь апрельские сумерки. Берет был почти как у Норы Полонской в «Трех товарищах»** — для пол-

* Наркомат (Народный комиссариат) — аналог министерства.

** Вероника (по прозвищу Нора) Полонская (1908—1994) — актриса, с которой у Маяковского был роман, закончившийся его самоубийством. «Три товарища» — фильм 1935 года с ее участием (одноименная книга Э. М. Ремарка не имеет к нему никакого отношения).

Глава 1. ПОСЛЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

ного сходства недоставало только вышитой собачки, на которую Нина не отважилась, потому что сама вышила неважно, а мать, Зинаида Александровна, которая как раз была на все руки мастерица, объявила, что собачка тут совершенно лишняя и Нине без нее гораздо лучше. На самом деле Зинаида Александровна не одобряла личность, которой дочь пыталась подражать. Положим, Маяковского мать Нины тоже не одобряла — по ее мнению, для поэта Маяковский вел себя на редкость антипоэтично, — но Полонская, ставшая причиной его самоубийства, и вовсе не вызывала у Зинаиды Александровны восторга.

Нина же в силу возраста смотрела на вещи совершенно иначе. Смерть из-за любовных неурядиц казалась ей чем-то возвышенным, романтическим и необыкновенным, и в зале кинотеатра Нина с волнением глядела на экран, по которому двигалась аппетитная молодая женщина с усталым лицом, изображающая *femme fatale**. В сюжете присутствовала не только *она*, но и история мужской дружбы, не выдержавшей испытаний, и даже взрыв моста, осуществленный, впрочем, из самых благих намерений, но о взрыве Нина забыла, как только вышла из зала. После фильма она стала носить берет, хотя раньше была равнодушна к этому головному убору, и вообще стала уделять одежде куда больше внимания. Увы, коричневое пальто при всем старании нельзя было сделать модным. С сумкой Нине повезло больше: одна из знакомых Ленки Елисейевой получила ее от кого-то в подарок, но то ли подарок не прижился, то ли даритель был не из тех, чьи подношения приятны, — одним словом, божественная темно-лиловая вещица с позолоченной цепочкой в итоге

* Роковая женщина (*франц.*).

оказалась у Нины, а Ленкин кошелек пополнился на восемьдесят пять рублей. Родителям, конечно, Нина назвала куда более скромную сумму — Василий Иванович и Зинаида Александровна были прекрасными людьми, но судьба отучила их от всего, хоть мало-мальски смахивающего на расточительство, и они бы не поняли, зачем дочери такая дорогая сумка, когда в магазине можно купить изделие «Пролетарского рай-промтреста» рублей за сорок, если оно из кожи, и всего за восемь или десять, если оно дерматиновое...

— Мрря-я-я-у!

Кот сверкнул глазами на девушку, промчался во тьме клубком тьмы и канул во тьму. Нина аж подпрыгнула от неожиданности, но тотчас же взяла себя в руки. «И чего я боюсь? — подумала она. — Совершенно нечего бояться». Идти оставалось совсем недолго, и Нина приободрилась. Скоро она будет дома — вот уже слева видна вывеска «Хлеб» над новой булочной. Раньше в ней был другой магазин, но потом случилась какая-то темная история, после которой его надолго закрыли, а недавно — гляди-ка — стали ремонтировать помещение и даже покрасили наружные стены. Витрина булочной еще пуста, и нигде нет расписания работы, но вчера, пробегая через двор, Нина видела, как рыжий рабочий прилаживал вывеску, стоя на кузове грузовика. Значит, скоро в районе откроется еще одна булочная, и очень хорошо, потому что та, в которой они обычно покупают...

Но тут все мысли о хлебе и новом магазине вылетели у Нины из головы, потому что она разглядела впереди, во дворе, фигуру прохожего. Он плелся зигзагами, то и дело натываясь на деревья, бормотал какой-то вздор и вообще производил впечатление человека, который перебрал и совершенно утратил всякое ощущение реальности.

Глава 1. ПОСЛЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

«А вдруг он бросится на меня? — подумала Нина, холодея. — Что я буду тогда делать?»

Хлопнула дверь, из дома выскочила взволнованная молодая женщина с шалью на плечах и подбежала к пьянчужке.

— Ваня, это невыносимо! — закричала она срывающимся голосом. — Иди домой!

— Не под-ду, — отвечал пьяница, решительно отстраняя ее рукой.

— Господи, за что же мне это? — запричитала женщина. — Ваня!

— Не тр... рожь меня! — угрожающе хрюкнул пьяница. — Т-ты... кто... такая... вообще?

— Ваня, ну Ваня! — восклицала женщина, бегая вокруг пьяницы, который без сил опустился на скамейку. — Ванечка, пойдем домой... Ваня!

Женщина вполголоса заговорила с пьянчужкой, который, очевидно, был ее мужем или братом — и, где-то удачно заложив за воротник, не желал возвращаться к домашнему очагу. Нина сердито наморщила носик. Ее выводила из себя картина бытового разложения, невольной свидетельницей которой она стала. Особенно раздражал ее Ваня, из-за которого так хлопотала незнакомка. Косматый, с давно не стриженной бородицей, одетый черт знает как, он походил не на советского гражданина, а на форменное пугало. Нина даже поймала себя на мысли, что переживать из-за подобного субъекта, прямо скажем, себе дороже...

— Ну и сиди тут! — крикнула женщина с ожесточением и метнулась обратно в дом.

Пьяница обмяк на скамейке, и тут Нина с опозданием сообразила, что ей, чтобы пересечь двор, придется пройти мимо него. Слева виднелась вывеска новой булочной, впереди темнела дверь дома, в котором

скрылась собеседница Ванечки, а справа, в глубине двора, за редкими деревьями маячил другой дом, поменьше. Нина часто видела его, пробегая мимо, но никогда не обращала на него внимания. Днем это было неказистое одноэтажное здание с двускатной крышей, выкрашенное серой краской, которая во многих местах облупилась, а ночью — просто строение неопределенной формы и цвета, в котором не светилося ни одно окно. Скамейка с непредсказуемым пьянчужкой располагалась почти в центре двора, немного ближе к тому дому, в котором он, судя по всему, квартировал.

В обычное время проще всего было пересечь двор по диагонали, пройдя мимо скамейки, но теперь воображение рисовало Нине всякие ужасы, и она решила сделать небольшой крюк. Лужа возле булочной тоже сыграла свою роль: увидев, как в ней отражается свет единственного на весь двор фонаря, девушка мгновенно приняла решение и стала обходить скамейку справа, забирая ближе к серому дому. Нина старалась двигаться как можно тише, чтобы не привлечь внимание жутковатого существа, откликающегося на имя Ванечка, и потому, когда он неожиданно шевельнулся, повернул голову в ее сторону и девушка увидела, как сквозь космы блеснули его глаза, ее охватила паника.

— Гр-ражданка, — проговорил пьяница неожиданно приятным глубоким баритоном, — куда идем?

Нине очень хотелось сказать что-нибудь веское, чтобы поставить омерзительного пропойцу на место, но еехватило только на сдавленный писк. Она метнулась в тень дерева, но пьяница уже поднялся на ноги и с проворством, поразительным для вдребезги наклюкавшегося человека, оказался возле нее.

— Не подходите ко мне, — пролепетала Нина, отступая в сторону. Больше всего ее испугало выражение

Глава 1. ПОСЛЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

глаз незнакомца. Было в них что-то отчаянное, что-то сумасшедшее, куда надежнее любых угроз убедившее девушку в том, что ее ночная прогулка непременно плохо кончится. Боковым зрением она заметила возле серого дома движение — оттуда кто-то вышел. Нина открыла рот, готовясь кричать и звать на помощь, но проклятый Ванечка ее опередил.

— Граждане бандиты, вы окружены, сдавайтесь! — заорал он в сторону тех, кто показался из серого дома. И Нине: — Ложись, дура!

В его руке непонятно откуда появился черный пистолет. В следующее мгновение пьяница, он же непутевый Ванечка, он же черт знает кто, явившийся из тьмы, кинулся к Нине и швырнул ее на землю.

— А-а-а! — заверещала девушка.

— Мусора! Вали их!

Пах! Пах! Пах! Сухо защелкали выстрелы, раздался звон разбитого стекла — из булочной тоже кто-то стрелял. Кто-то бежал, кого-то хватали, кто-то грязно и беспомощно ругался, кто-то кричал от боли, а Нина скорчилась на земле, зачем-то судорожно вцепившись в ручку сумочки, а левой рукой инстинктивно прикрывая голову.

— Бросай оружие! Бросай, кому говорят!

— Ты че, ты че, начальник...

— Юра, у него нож за голенищем! — Это пьяница обращается к кому-то из своих, выскочившему из булочной прямо сквозь витринное стекло и ухитрившись, кажется, даже не пораниться.

— Ага, понял, Иван Григорьевич... Ну-ну, Храповицкий, не шали! Отдай ножичек-то... Вот так, молодец! Руки! Руки держи, чтобы я их видел...

— Веник бежал! — кричит кто-то, и, приподняв голову (любопытство все же сильнее страха), Нина с изумле-

нием узнает в кричащем рыжего рабочего, совсем недавно на ее глазах вешавшего вывеску на булочную.

— Там Антон и Петрович его примут, — отвечает недавний пьяница.

— Не догонят, — усмехается человек, которого держит на прицеле высокий, артистичного вида Юра.

Однако через минуту из-за угла дома двое выволакивают молодого парня, заломив ему руки за спину. На голове у парня копна непокорных волос, из-за которой, возможно, он и получил прозвище «Веник». Левый конвоир на ходу свободной рукой стирал с лица кровь, которая тотчас же проступала снова. Судя по всему, Веник пытался оказать сопротивление.

— Царапина, Иван Григорьич, — говорит пострадавший прежде, чем ему задают вопрос.

— Все целы? — отрывисто спрашивает «пьяница», оглядываясь.

— Наши — да. — Юра передергивает широкими плечами. — Из этих трое наповал, один ранен...

И в самом деле, возле серой стены лежат два тела, третье — на дорожке, а раненый сидит, прислонившись спиной к дереву, и стонет. И хотя он вроде бы уже не представляет опасности, рядом стоит рыжий, угрожающе направив дуло револьвера на задержанного. Нина чувствует, как ее начинает бить крупная дрожь.

— А Елагин где? — с тревогой спрашивает Иван Григорьевич. — Елагин!

— Здесь я, — отзывается человек, показавшийся из булочной. Это приземистый крепыш флегматичного вида, и Нина вспоминает, что тоже видела его раньше и что он помогал рыжему управиться с вывеской. Елагин бросает равнодушный взгляд на убитых и отворачивается, словно не он только что стрелял в них и положил как минимум одного.

Глава 1. ПОСЛЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Из большого дома стремительным шагом выходит уже знакомая Нине молодая женщина с шалью на плечах, а за женщиной следует совершенно седой, очень спокойный старик.

— Терентий Иванович, — обращается к нему Иван Григорьевич, убирая оружие, — вызовите скорую... И машину для перевозки...

— Они уже едут.

— Лиза, вы в порядке?

Женщина поводит плечами, обхватывает себя руками, словно ей холодно.

— Когда началась стрельба, я испугалась... И когда брат выскочил через стекло... — Она кивает на высокого Юру, который смущенно улыбается.

— Юра, ну ты артист... — говорит кто-то с восхищением.

— Что за баба? — спрашивает другой голос, и Нина не сразу понимает, что речь идет о ней.

Приблизившись, Иван Григорьевич протягивает руку и рывком поднимает девушку на ноги. Ощущение у Нины такое, словно она превратилась в мозаику, которая вот-вот рассыплется на тысячу кусочков.

— Московский уголовный розыск, старший оперуполномоченный Опалин, — представляется Иван Григорьевич, пристально глядя на нее. — Кто вы и как вас зовут?

— Я... я... я студентка, — сбивчиво начинает говорить Нина. Она хочет объяснить, что живет тут неподалеку, что была в Большом на представлении «Сусанина» и всего лишь возвращалась привычной дорогой домой, но тут оперуполномоченный Опалин отмочил фокус. Он отклеил бороду, снял парик, и перед Ниной оказался молодой брюнет приятной наружности, которую портил только один дефект. Раньше, когда космы

закрывали его лоб, не было видно довольно широкого шрама, наискось идущего через правую бровь и к тому же плохо зарубцевавшегося. Увидев этот шрам, тот, кого называли Храповицким и по-прежнему держали на прицеле, хрипло засмеялся.

— Скорохват, чтоб мне сдохнуть, — объявил он. — Ну и маскарад вы тут устроили, гражданин начальник!

И он витиевато и грязно выругался.

— Маскарад не маскарад, однако ж тебя взяли, — спокойно ответил Опалин. — Зря ты в Москву подался. Мысль, конечно, неплохая была — после южных подвигов отсидеться в столице. Ну, вот и отсидишься теперь как положено.

И тут Нина вспомнила. Банда Храповицкого орудовала на юге, а последним их делом было ограбление банка в Ростове, во время которого они убили посетителя и кассиршу. «Значит, они перебрались в Москву, — лихорадочно размышляла Нина. — И я чуть ли не каждый день ходила мимо дома, в котором они жили...»

Девушку вдруг остро поразила мысль, что зло, о котором даже не думаешь, может оказаться близко, так близко, что жизнь твоя повисает на тончайшем волоске. Ведь буквально только что, ни о чем не подозревая, она оказалась на линии огня, и если бы не Опалин...

Нина подняла глаза и встретила его сосредоточенный взгляд.

— Где именно вы учитесь? — спросил он.

— В институте имени Луначарского... Театральном. — Привычное сокращение ГИТИС от волнения выскочило у нее из головы.

— Актрисой, значит, будете?

— Нет. — Нина покраснела. — Я на театроведческом факультете...

— Зовут вас как?

Глава 1. ПОСЛЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

— Нина. Нина Морозова.

— Документы предъявите, пожалуйста.

— У меня только комсомольский билет... — начала

Нина, залезая в сумочку. И неожиданно поняла, что, готовя обновку к первому выходу, переложила в нее из старой сумочки кошелек, ключи, зеркальце, помаду... А билет, который лежал в особом кармашке прежней сумки, забыла.

За-бы-ла.

— Понимаете, товарищ, — залепетала Нина, покрываясь пятнами, — у меня новая сумка... и я... Я дома оставила документы! Честное слово... Я в Большом была... на «Сусанине»...

— И как вам, понравилось? — осведомился собеседник таким тоном, что нельзя было понять, издевается он, искренне любопытствует или просто спрашивает то, что ему полагается по профессии.

— Очень! — искренне ответила Нина.

...Конечно, ей не повезло побывать на спектакле несколько дней назад, когда оперу Глинки, переделанную под требования новой эпохи, приехало смотреть правительство во главе с товарищем Сталиным, которому публика устроила грандиозную овацию. Но Нина была счастлива и тем, что увидела «Сусанина» сегодня, в более спокойной обстановке. Размах постановки, костюмы, декорации — все пленяло, пробуждало мечту, уносило в какие-то другие миры. А по молодости она больше всего ценила именно то, что заставляло мечтать...

— У вас ведь сохранился билет? — очень вежливо промолвил Опалин. — Покажите, пожалуйста.

Но у Нины не было билета, потому что их с Ленкой провели в Большой тот самый наркомовский старик и Былинкин.

— Мы по контрамарке прошли...

— Мы? Вы были не одна?

— Да, я с Ленкой была... Елисеевой...

Во двор, гудя, въехал выдавший виды автобус для перевозки заключенных, а за ним вкатила скорая. «Сейчас меня арестуют», — обреченно подумала Нина. Ночью, возле воровского притона, одна, без документов, с подозрительной историей о «Сусанине»... Опустив глаза, она только теперь заметила, что ее пальто заляпано грязью. «Правильно: я же лежала на земле, а кругом стреляли... стреляли...» Она принялась машинально чистить пальто, избегая смотреть Опалину в глаза.

— Маслов!

— Я, Иван Григорьич...

— Проводи гражданку до дома. Проверь...

— Иван Григорьич, а как же...

— Мы тут без тебя справимся. Терентий Иваныч! Зовите понятых, будем производить обыск в доме гастролеров... Лиза, вы нам больше не нужны, идите к себе. Костя!

— Да? — Рыжий Маслов обернулся.

Вполголоса:

— О вежливости не забывай...

— О, а вот и царская карета, — захохотал Храповицкий, глядя на неказистый автобус. — Что ж, передам привет... барону Тьльнеру... старые знакомые как-никак! В гимназии за одной партой сидели!

— Ты, мразь... — начал Юра, вспыхнув.

— Тихо, тихо, Юра, — вмешался Опалин и повернулся к Храповицкому. — С таким, как ты, Георгий Федорович не то что за одной партой, а в одном нужнике сидеть не будет... Пакуйте их, ребята.

Глава 1. ПОСЛЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

В дверях большого дома толпились встревоженные жильцы, Лизу, вернувшуюся к подъезду, засыпали вопросами. Уцелевших бандитов вели в автобус, к раненому подошел доктор, а Нина шла прочь в обществе хмурого Кости Маслова с непередаваемым ощущением человека, которому не дали досмотреть последний акт захватывающего действия. И хотя все вроде бы уже кончилось и никаких поворотов больше не предвиделось, это ощущение упорно не покидало ее.

ГЛАВА 2

Квартира 51

Нина изнывала от любопытства. Она понимала, что таинственный Опалин — главный и что именно ему подчиняются и рыжий Костя, и Юра в кожаной куртке, прыгнувший сквозь стекло, и те двое, которые схватили Веника, и флегматичный Елагин, и даже седой Терентий Иванович, который вроде бы не принимал участия в перестрелке, но явно играл важную роль. И еще была Лиза, которая о чем-то шепталась с Опалиным, когда он изображал пьяного забулдыгу. Лиза Нину тоже очень интересовала — но больше всего, конечно, заинтриговал ее человек со шрамом, который с легкостью преобразался из обычного пропойцы в агента уголовного розыска. Пожалуй, Нина бы пожертвовала своим беретом, чтобы узнать, есть ли что-нибудь между Опалиным и Лизой, и если да, то что именно. Но, разумеется, нельзя вот так сразу спрашивать о том, что тебя на самом деле волнует.

— А вы все из МУРа? — начала Нина и тотчас пожалела, что выбрала для завязки беседы с хмурым Костей такой нелепый вопрос. Во всяком случае, услышав слова девушки, ее спутник слегка поморщился.